

В. Головин

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ: НЕБЫЛИЦА О МАЗАЕ — МЮНХГАУЗЕНЕ

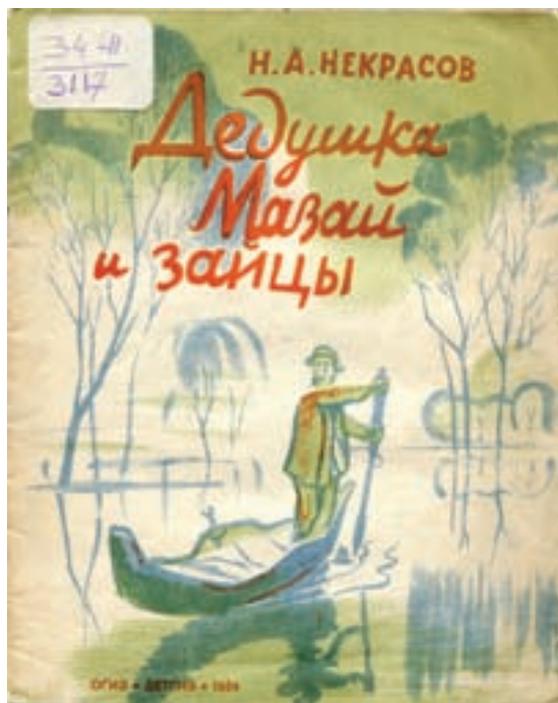
В статье представлены новое жанровое осмысление и интерпретация произведения Н. А. Некрасова *Дедушка Мазай и зайцы*. Новизна толкования основывается преимущественно на комментировании строки «Вдов он, бездетен, имеет лишь внука» путем ее сопоставления с источниками. Автором установлено также совпадение мотивов *Дедушки Мазая...* и *Приключений барона Мюнхгаузена* и рассмотрена поэтика бытового поведения главного героя, меняющие восприятие стихотворения.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, *Дедушка Мазай и зайцы*, комментарий, источник, сказка, небылица, раешник, Мюнхгаузен, шут, дурак.

В первом номере *Отечественных записок* за 1871 г. на 124-й странице впервые было опубликовано общеизвестное стихотворение *Дедушка Мазай и зайцы* с подписью «Н. Некрасов» и подзаголовком *Из стихотворений, посвященных русским детям*. Дважды в тексте встречается обращение к детям: «Дети, я вам расскажу про Мазая...»; «Я от Мазая рассказы слышал. / Дети, для вас я один написал...». С таким же подзаголовком: *Стихотворения, посвященные русским детям*, — Некрасов публиковал его и впоследствии.

Как нам представляется, именно авторская адресация и определила судьбу произведения. Вскоре оно появилось в хрестоматиях и книгах для чтения, затем в школьной программе и, как и следовало ожидать, «обросло» методическими рекомендациями. «Благодаря» хрестоматизации из общекультурного знания ушла первая часть стихотворения, осталось только спасение зайцев.

Вследствие «детскости» этот текст не получает должного литературоведческого комментария — обычно комментирование ограничивается толкованием десятка непонятных слов и выражений (...*вода понимает; пуделять; затравка* и др.) и пояснением, что Малея Вежи — это деревня Костромской губернии, где часто охотился Некрасов, исстари славившаяся своим хмелем. Фразу «Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!» — исследователи соотносят с отрывком романа Некрасова *Тонкий человек*: несчастные зайцы «бродили по

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Куприянов. М.: Детгиз, 1934.

обнаженным островам, тоскливо поглядывая на ближний, но недоступный лес или кустарник. <...> Десятка полтора мальчишек ловили зайцев, — били вдогонку палками. <...> У берега они заметили три ботника, уже до половины нагруженные зайцами. <...> Каждое семейство <...> весной запасается зайчиной и, посолив, ест ее до самого лета» (ПСС, т. VI, с. 402). Историко-литературоведческие студии с 1960-х гг. утверждают, что Мазай — это реальное лицо, с которым встречался Некрасов¹.

В итоге появились «родина деда Мазая», его музей и жанровое определение произведения — «экологическая поэма». Наиболее распространенное среди школьных методистов обозначение тематической основы этого текста звучит примерно так: «Главной темой этого стихотворения стало бережное отношение к природе и любовь к ней, причем любовь разумная». Между тем это не совсем верно, а скорее совсем не так.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов. М., 1952.

Мазай представляет собой особый тип лирического героя. Он близок по своему амплу к сказочному «дураку», шуту, и именно поэтому, в силу своей «отличности», шутовского поведения, выполняет, как и его сказочные и литературные прототипы, нравственный долг — спасает обреченных зайцев.

Начнем с «отличности» и чудаковатости Мазая. Во-первых, он охотится на дупелей — куликов весом до 300 граммов. В августе это не промысловая охота, а чисто барская забава, с легавой собакой². Увлекающийся дупелиными высыпками крестьянин — нонсенс, сродни будущему герою рассказа А. П. Чехова *Петров день*. Но допустим, что он только споспешествует в охоте Некрасову, и это не может служить подтверждением его чудаковатости.

Однако далее начинаются конкретные аргументы:

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Куприянов. М.: Детиздат, 1937.

За сорок верст в Кострому напрямком
Сбежать лесами ему нипочем:
‘Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно’. — А леший? — ‘Не верю!
Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!’

«Вдов он, бездетен, имеет лишь внука» — характеристика, которая является, на наш взгляд, ключевой в стихотворении, и мы прокомментируем ее ниже.

Итак, в кураже, т. е. нетрезвым или «в лихости», Мазай пытается общаться с инфернальной силой, что абсолютно неестественно для русского крестьянина. Русский простой человек, каким бы суеверным он ни был, не мог и помыслить вызывать «лешего» в таком состоянии. Далее Мазай поэтически описывает природу низменного края, сравнивая безмолвие ночного леса с церковной тишиной: также косвенный признак его «нетакости» — этакий крестьянский пейзажный лирик.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов. М., 1952.

Затем, после промаха по зайцу:

Дедушка пальцем косому грозит:
‘Врешь — упадешь!’ — добродушно кричит.

И вновь нестандартный подход. Заяц — это добыча, крестьянский заработок. Для справки скажем, что за шкуру и мясо зайца крестьяне получали 15–20 копеек (в столицах они стоили по рублю), а такой заработок вполне мог считаться достойным дневным. Зайцев ловили преимущественно в петли, клетки, клепи, крани, дабы не тратить деньги на гончих собак, порох и дробь [Архив РЭМ 1899].

Итак, Мазай — ружейный охотник, что весьма редко для крестьянина, при этом альтруист, рассказчик-лирик и в то же время не прочь пообщаться с нечистью.

Далее ему дается характеристика балагура — он рассказывает два анекдота:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Купреянов, 1934.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов, 1952.

‘Что ты таскаешь горшок с угольками?’ —
 Больно, родимый, я зябок руками;
 Ежели зайца теперь сослежу,
 Прежде я сяду, ружье положу,
 Над уголочками руки погрею,
 Да уж потом и палю по злодею!

Отрывок включает два мотива: мотив сломанного курка и нахождения выхода из этой ситуации и мотив холода, которые точно совпадают с мотивами охотничьих анекдотов барона Мюнхгаузена. Как мы помним, у Мюнхгаузена ломается курок и он страшным ударом кулака высекает искры из глаз, которые через затравку осуществляют возгорание пороха и удачный выстрел.

Мотив нестерпимого холода также частотен в охотничьих рассказах Мюнхгаузена о путешествии по России. Там солнце отмораживает нос, в рожке замерзают звуки, которые потом оттаивают, страшный холод царит на северном полюсе, где герой добывает белых медведей в подарок русской императрице.

Один сюжет из Мюнхгаузена объединяет два мотива (поломка курка и холод). Он собирается ножом наладить курок, и в это время на него бросается медведь. Спасаясь от опасности на дереве, барон теряет нож, который черенком торчит из снега. Ему ничего не остается, как воспользоваться жидкостью, «которая в минуту страха у человека имеется в изобилии». Жестокий холод мгновенно

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Купреянов, 1934.

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы / худ. Н. Кирсанов, 1952.

замораживает струю, Мюнхгаузен за ледяную сосульку подтягивает нож, чинит курок и добывает медведя [Приключения барона Мюнхгаузена 1985, с. 86]³.

Более того, сам Некрасов недвусмысленно намекает на совпадение анекдотов Мазая и Мюнхгаузена:

‘Вот так охотник!’ — Мазай прибавлял.
 Я, признаюсь, от души хохотал.
 Впрочем, милей анекдотов крестьянских
 (Чем они хуже, однако, дворянских?)
 Я от Мазая рассказы слышал.
 Дети, для вас я один записал...

Все перечисленные сюжеты от Мюнхгаузена вошли в первый перевод книги о нем на русский язык Н. П. Осипова, который был опубликован в 1791 г. под заглавием: *Не любо — не слушай, а лгать не мешай*. Обратим внимание, что это название в зашифрованном виде повторится во время возвращения Мазая с зайцами в деревню:

Было потехи у баб, ребятишек,
 Как прокатил я деревней зайчишек:
 ‘Глянь-ко: что делает старый Мазай!’
 Ладно! любуйся, а нам не мешай!

Но этот парафраз пословицы «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» не только возможная отсылка к первому русскому изданию

Некрасов Н. А. Дедушка Мазай и зайцы /
худ. Н. Кирсанов, 1952.

книги о Мюнхгаузене. В собрании сказок А. Н. Афанасьева предлагается десять вариантов сказок-небылиц *Не любо — не слушай* 1985, с. 144–155]. И мотивы в них вполне мюнхгаузенские: зад и перед лошади разделяются и живут отдельно, потом сшиваются; на мухах, комарах летают на небо, также летают, привязав веревки к ногам журавлей; утка или волк своим хвостом вытаскивает мужика из болота, журавли или медведь впрягаются в хомут и тащат телегу; мужик на растущем горохе или дубе попадает на небо; мужик собирает утиные яйца, прилетает утка, выводит утят, и он всех жарит и съедает; искры из глаз воспламеняют порох, ружье стреляет и убивает тетерева⁴.

В этих сказках-небылицах мы постоянно встречаем раешный стих, который, в свою очередь, использует Мазай:

Лодку причалил — и 'с Богом!' сказал...
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: 'У-х!'

Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицельсь — бух!
И ляжешь... У-у-у-х!..'

Мазай кричит раешником — языком уличных и балаганных балагуров. Более того, это не просто раешник — это порсканье, крик, гомон, гвалт, шум при травле зверя, возбуждающий собак и охотников. Такое искусство — удел далеко не каждого. В Порховском уезде Псковской губернии целая деревня поставляла умельцев по-особому «порскать», т. е. раешным стихом представлять хозяину информацию об условиях охоты, местоположении и качестве зверя [Васильчиков 2003, с. 52].

Некрасов приписывает Мазая статус чудака, но не оставляет его в этом поле окончательно. Тогда стихотворение перешло бы в русло фольклорной стилизации. Мазай не тип — характер, а последний предполагает противоречивость. Дедушка Мазай, как и многие крестьяне по весне, ... ворует даровые сплавные дрова:

Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет.
Еду, ловлю их. Вода прибывает.

Одних совестит, а сам грешит... Он объясняет и мотив своего экологического подвига:

Я проводил их всё тем же советом:
'Не попадайтесь зимой!'
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, — линяет косой...

Оказывается, причина не только в жалости и разумности (зайцев бьют до приплода), но и в плохом качестве шкуры.

Тем не менее текст четко определяет Мазая как балагура, альтруиста, несколько странного в своей охотничьей страсти, — не добытчика, а забавляющегося охотой, порскальщика, склонного пошутить с нечистью, лирика природы, русифицирующего анекдоты Мюнхгаузена. Согласимся, что такая репутация говорит об особом типе лирического героя: литературно-сказочного шута и балагура, не такого, как все. Важной чертой такого типа является то, что он

бессребреник, и именно поэтому он, и только он, совершает нравственный поступок.

Теперь обратимся к строке стихотворения, дающей характеристику, которая, на наш взгляд, является шифром Мазая: «Вдов он, бездетен, имеет лишь внука».

Бездетный тот, у кого нет своих детей, наследников: «Бездетный умрет, и собака (по нем) не вззоет». А тут внук. Если дети у Мазая умерли, оставив внука, то он все равно не может быть бездетен. Бездетен может означать и означало лишь одно — дети не родились. Тогда откуда внук?⁵

Важно другое — данная строка поразительным образом напоминает сказку, небылицу, существующую во многих культурах. Из множества вариантов таких сказок-небылиц приводим два значимых для нашего исследования отрывка (выделение жирным шрифтом наше. — В. Г.):

1. «Ну вот, он согласился, старик этот. А он начал говорить сказку:
— Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат.

Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужжелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот — иноход...» [Молдавский 1955, с. 246–279].

2. «Жил я с дедушкой, а батька мой тогда еще не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет. Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых...» [Не любо — не слушай 1985, с. 144–155]⁶.

Напомним название этих сказок-небылиц: *Не любо — не слушай*, и восприятие односельчанами Мазая истории с зайцами: «Глянь-ко: что делает старый Мазай! Ладно! любуйся, а нам не мешай!». Некрасовский парафраз русской пословицы «Не любо, не слушай, а лгать (или «а врать») не мешай!» очевиден. Заметим, что эта пословица в собрании В. И. Даля находится в одном разделе (*Неправда-ложь*) с другой, весьма похожей, но в контексте стихотворения очень важной для нас: «Ложь на охотника, а не любо — не слушай!»⁷.

Неважно, расшифровывается ли эта строка, сопоставляется со сказкой или нет, но она настраивает на восприятие стихотворения как небылицы, необыкновенного приключения чудака-бессребреника, выполнившего, в отличие от всех, нравственный долг. То есть это краткий забавный рассказ о необыкновенном приключении. То есть анекдот. Охотничий анекдот. А к такому анекдоту особое отношение.

Примечания

¹ Мы не отрицаем, что Савва Дмитриевич Мазайкин — прототип героя. Но его фамилия необыкновенно созвучна характеристике персонажа — он «пуделяет», то есть мажет, промахивается на охоте, объясняя это простой причиной: «Кабы не стали глаза изменять...».

² Любопытно, что известный иллюстратор «Дедушки Мазая» Д. Шмаинов вместо дупелей сделал добычей тетерева, лежащего около Некрасова и Мазая. Такое изображение сидящих охотников, собаки и тетерева напоминает нам знаменитую картину В. Перова «Охотники на привале». Напомним, что на этом полотне четко обозначен знак недоверия к одному из охотников.

³ В переложении К. Чуковского для детей Мюнхгаузен плюет на нож, и замораживается слона.

⁴ Академическое издание этих сказок включает типовой и сравнительный комментарий, в котором указана и первая книга о Мюнхгаузене на русском языке [Примечания 1985, с. 402–407].

⁵ Другие версии, например воспитание ребенка из Воспитательного дома, который впоследствии умер, оставив Мазая внука, будут, на наш взгляд, научным изощрением. Тем более что так называемые «воспитоньы» получали все наследственные права. В просмотренных нами словарях бездетность исключает появление внука по значению слова. В некрасовской (или приписываемой ему) поэме *Карп Пантелешч и Степанида Кондратьевна* значение слова «бездетен» понимается однозначно:

Пенкин, Кондратий Степаныч, весьма благодушный
И плотный мужчина.

Долго бездетен он был и обет произнес пред
Судьбою

...
Только б судьбы всеблагие его наградили
Сладким родительским счастьем, — и небо ему
Даровало
Трех сыновей и дочь...

⁶ Вариант сказки № 6.

⁷ Отметим, что такое или похожее название прочно вошло в русскую литературу и стало применяться, в частности, для охотничьих повествований. К ним относится, например, комедия в одном действии, в вольных стихах А. А. Шаховского «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» (премьера состоялась 23 сентября 1818 г.).

Источники

Васильчиков Б. А. Воспоминания // Наше наследие. Псков: Обл. тип., 2003.
Ершов А. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 731. Л. 3. Новгород, Тихвинский, 1899.
Молдавский Д. Комментарий // Русская сатирическая сказка: В записях середины XIX–XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Не любо — не слушай // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 3.

Приключения барона Мюнхгаузена. М.: Наука, 1985.

Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. Т. 3.